

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

**ДИСКУССИЯ О СТАТУСЕ И СЕМАНТИКЕ
ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО**

УДК 81'373.2

ББК III 103.1

Аннотация. Рассмотрены представления отечественных и зарубежных философов, логиков и филологов по вопросу о существовании и специфике лексического значения у имен собственных.

Ключевые слова: имя собственное, лексическое значение, языковое значение, речевое значение

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: v.nakhimov@rambler.ru

Nakhimova E. A.

Ekaterinburg, Russia

**DISCUSSION OF THE STATUS AND SEMANTICS
OF A PROPER NAME**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article presents ideas of native and foreign philosophers, logicians and philologists on the existence and specifics of the lexical meaning of proper names.

Key words: proper name, lexical meaning, linguistic meaning, speech meaning

About the author: Nakhimova Elena Anatolyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Имена собственные и имена нарицательные образуют универсальную оппозицию в системе имен существительных самых различных языков. Это семантическое противопоставление лексики по характеру номинации провели еще античные философы-стоики и, в частности, Дионисий Фракийский (II в. до н.э.). История исследования имени собственного уже неоднократно была представлена в публикациях специалистов по лингвистике, логике и философии. Названные проблемы успешно исследовали М. Бреаль, Дж. Ст. Милль, О. Есперсен, Е. Курилович, Г. Суит, Г. Сёренсен, Н. Шпербер. Значительный вклад в развитии теории и практики исследования имени собственного внесли отечественные ученые: В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, К.Д. Левковская, А.К. Матвеев, В.М. Мокиенко, А.А. Реформатский, Н.И. Толстой, А.А. Уфимцева. Детальный анализ истории данной проблемы представлен в публикациях В.И. Болотова, В.Д. Бондалетова, Д.Б. Гудкова, С.И. Зинина, А.К. Матвеева, М.Э. Рут, А.В. Суперанской, Л.М. Щетинина и целого ряда других специалистов.

Центральная проблема теории имени собственного – это специфика его значения, а также само существование значения у имени собственного. По словам М.Э. Рут, «несмотря на непрекращающиеся споры о лексическом значении собственных имен, мнений остается столько же, сколько спорщиков [Рут 2001: 26]. Трудно претендовать на окончательное решение указанной проблемы, однако в рамках всякого исследования необходимо избрать концепцию, которая в наибольшей степени соответствовала бы его материалу и задачам.

Разнообразные представления отечественных и зарубежных философов, логиков и филологов по этой проблеме можно условно свести к трем основным точкам зрения:

1) полное (или – как вариант – почти полное) отрижение наличия значения у имени собственного;

2) признание наличия значения у имени собственного, но только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе, в социуме, в социолекте);

3) признание существования у имени собственного языкового значения, но с обязательным подчеркиванием совершенно особого характера этого значения, с его противопоставление значениям всех иных разрядов слов.

Первая из названных концепций восходит к английскому философу-логику Дж. Ст. Миллю, который считал, что имена собственные «не имеют никакого значения», так как они не «коннотируют», то есть не связаны с выражением постоянных понятий-сигнификаторов [Милль 1865: 27; цит. по Есперсен 2004]. Вслед за ним с теми или иными оговорками имена собственные называют «пустыми», «ущербными», «полыми», «асемантичными» словами (знаками, метками, словами-этикетками) такие ученые, как В. Брэндаль, А. Гардинер, Л. Стеббинг, Б. Рассел и др. В отечественной науке к этой точке зрения в той или иной степени склонялись А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, К.Д. Левковская, Н.И. Толстой, В.М. Мокиенко и целый ряд других специалистов. Многие советские ученые сочувственно цитировали слова К. Маркса, которые воспроизводились учебниками языкоznания и хрестоматиями: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яков» [Маркс 1955: 107; цит. по: Звегинцев 1965: 483].

Как известно, в ту эпоху было невозможно открыто дискутировать с классиками марксизма. Однако согласиться с мнением Маркса можно лишь частично: даже вне контекста имя несет некоторую информацию. Так, по имени Яков можно определить, что это мужчина, а также сделать некоторые предположения о его национальности и даже религии. Во всяком случае это имя едва ли может носить правоверный мусульманин или китаец.

Однако и это положение иногда вызывает возражения. Так М.Э. Рут пишет о том, что во-первых в русском языке существуют имена, которые могут носить как мужчины, так и женщины (Женя, Саша и др.), а во-вторых, возможны случаи нестандартного использования имени [Рут 2001: 28]. Таким образом, реальностью обладают лишь некоторые культурные коннотации отдельных имен собственных [Голомидова 1998] и этимологическая семантика имени собственного [Матвеев 1969], которая, по мнению многих специалистов, не имеет прямого отношения к лексической семантике.

В рамках второй концепции имя собственное имеет полноценное значение только в речи (в тексте, в контексте, в дискурсе), где, как правило, соотносится с тем или иным референтом. Уточнение, «как правило», связано с тем, что возможны случаи безреферентного употребления имени. Примером может служить предложение «Мне не нравится имя Яков». Безреферентно использовано имя Яков и в указанной фразе К. Маркса. Однако в абсолютном большинстве случаев имя собственное Яков (как и иные имена собственные) обозначает в речи вполне конкретных людей, которые носят вполне конкретные фамилии и обладают теми или иными качествами». Эту точку зрения ярче других обосновывает О. Есперсен, который критикует позицию Дж. Ст. Милля в своем труде «Философия грамматики» [Есперсен 2004]. Сходные взгляды высказывают М. Бреаль, Н. Шпербер, Г. Суит, Г. Сёренсен, А.В. Суперанская, В.И. Болотов, С.И. Зинин и многие другие специалисты.

К этой точке зрения примыкает и позиция М.Э. Рут, которая пишет не о значении имени собственного в речи (в тексте, в контексте), а о его значении в социолекте. Исследователь подчеркивает, что «антропоним может быть двуликим: он существует сам по себе и как личное имя конкретного человека. Антропоним сам по себе не имеет реального значения», тогда как «личное имя существует социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования имени. Семантика антропонима определяется общенародными культурными коннотатами. Семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным человеком» [Рут 2001: 32]. Для нашего исследования важно учитывать тот факт, что социум, в рамках которого известны отдельные имена собственные, может быть очень широким. Существуют такие имена собственные, которые известны абсолютному большинству наших соотечественников, а следовательно, такие имена собственные оказываются не менее «общенародными», чем общеупотребительные имена нарицательные.

В соответствии с третьей точкой зрения, имя собственное имеет значение не только в речи, но и в языке, но это значение совсем иного характера, чем значение имени нарицатель-

ного. Подобную позицию занимают Л. Щерба, Е. Курилович, А. Доза, Ф. Травничек, И. Воробьева, Е. Данилина, М. Захарова, Т. Кондратьева, В. Никонов, Ю. Карпенко, Л. Ступин, Л. Щетинин и многие иные специалисты. Эта позиция лежит и в основе нашего исследования.

Академик Л.В. Щерба, рассматривая проблемы теории лексикографии, писал: «Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен, ибо в словаре необходимо определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный» [Щерба 1974: 278-279].

Развивая идеи Л.В. Щербы, В.А. Никонов указывает, что необходимо различать три плана значений имени собственного: 1) этимологическое, т.е. доономастическое; 2) ономастическое и 3) отономастическое [Никонов 1966: 12-13]. В концепции Л.М. Щетинина разграничивается единичное номинативное значение и общее значение. Единичное номинативное значение складывается в результате обобщения конкретных чувственных представлений о данном лице и отвлечения от всех его случайных несущественных признаков. Общее же значение каждого фамильного имени является языковым средством реализации общего понятия «человек», которое может уточняться до понятия «мужчина» или «женщина» + «человек определенной национальности» [Щетинин 1968: 6].

В концепции И.А. Воробьевой имя собственное обладает смысловой структурой, которая состоит из трех компонентов значения: денотативного, сигнifikативного и структурного, что сближает их с именем нарицательным [Воробьева 1971: 41], причем специфика смыслового содержания имени собственного обнаруживается в каждом из компонентов их значения. Сигнifikативное значение имени собственного – это отражение нашего знания о существовании предмета и его отличии от других. Е.Ф. Данилина, разделяя позицию И.А. Воробьевой, уточняет также, что особенность личных имен состоит в том, что они в большей мере, чем имена нарицательные, обнаруживают диалектику языкового (общего) и речевого (частного) значений [Данилина 1972: 62]. В языке имя отражает общее понятие, а в речи – конкретное, единичное, частное. Сходную позицию занимает Ю.А. Карпенко который отмечает, что языковое значение имени собственного гораздо беднее его речевой семантики [Карпенко 1976: 81]. Закрепленность имени собственного за одним объектом – это есть главная отличительная особенность имени собственного, которая, по мнению ученого, параллельно реализуется в

трех важнейших функциях – номинативной, идентификационной и дифференциальной [Карпенко 1976: 83, 89].

В концепции М.В. Голомидовой в качестве значения имени собственного рассматривается вся информация, которую можно извлечь из имени, однако следует учитывать что исследователь рассматривал имена собственные, возникшие в рамках искусственной номинации [Голомидова 1998], а это совершенно особая сфера онимов.

Е. Курилович считает, что имена собственные и нарицательные различаются прежде всего по их функциям в языке и речи. Для имен собственных польский ученый особо выделяет аккумулятивную (энциклопедическую), функцию имени собственного, а также отмечает специфику реализации его других функций – стилистической, эмоционально-оценочной, социально-оценочной, региональной и культурно-исторической, к которым в речи или тексте добавляются общая текстообразующая и эстетическая функции [Курилович 1962: 17].

Представленный обзор позволяет сделать вывод о том, что при компонентном анализе языкового значения имени собственного в структуре его значения обнаруживаются следующие компоненты:

- категориальные семы, отражающие грамматические значения предметности, падежа, рода, частично – числа и одушевленности;

- категориально-лексические семы, свидетельствующие о принадлежности к лексическим полям (люди, животные и др.),

- дифференциальные семы (например, отражающие принадлежность слова к числу лексем, обозначающих мужчин);

- коннотативные семы (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная, социальная окраска имени);

- ассоциативные (по Д.Н. Шмелеву) семы, отражающие факультативные и личностные смыслы;

- культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики с соответствующими дискурсами.

При решении вопроса о существовании значения имени собственного в языке (вне речи) очень важно учитывать тезис М.Э. Рут о необходимости разграничивать имя собственное как часть национального арсенала имен (то есть вне связи с конкретным референтом) и имя собственное в его связи с конкретным референтом, например, личное имя конкретного человека. Иначе говоря, следует различать русский антропоним *Петр* и обозначение российского императора *Петр Великий* (он же *Петр I* и *Петр Алексеевич Романов*). Компоненты первого имени собственного – антропоним; мужчина. По мнению некоторых специалистов, к числу этих компонентов относится также этимологический компонент (древнегреческий

этимон – со значением «камень») и типичность этого имени для русского именника, его связь с христианской культурой.

Компоненты второго имени (*Петр I, Петр Алексеевич Романов*) значительно многочисленнее – российский император, основоположник Санкт-Петербурга, победитель в Северной войне, создатель российского флота, выдающийся реформатор российского общества, проводник идей западной культуры и др. Что касается людей менее известных, то их личные имена имеют значение не в русском языке, а в рамках определенного социума, социолекта. Это может быть семья, круг друзей и знакомых, коллеги, соседи и др. Статус таких имен напоминает статус диалектных слов, которые известны лишь в рамках того или иного говора. Разумеется, существуют и промежуточные случаи, когда имя человека оказывается широко известным, но только в рамках ограниченной профессиональной или иной среды.

При использовании имени человека в русской речи оно обычно выступает в составе единого комплекса с двумя другими компонентами полного русского имени – фамилией и отчеством (или только с фамилией, если имеется в виду человек, который принадлежит к культуре, для которой нехарактерны отчества). Иначе говоря, даже если в речи используется только имя (имя и отчество, отчество или фамилия), то говорящие учитывают, что данный человек обладает также отчеством и фамилией. Сложные правила выбора наименования человека (по имени, имени и отчеству или по фамилии) хорошо известны и не являются предметом настоящего исследования.

Следует отметить, что тезис об отсутствии языкового значения у имени собственного (или о его совершенно особом характере) не относится к случаям, когда имя собственное переходит в имя нарицательное. В этом случае достаточно легко обнаруживаются стандартные компоненты значения и даже многозначность. В частности, имя французского императора Наполеон может быть использована для обозначения великого человека (ср.: «Мы все глядим в Наполеоны»); для обозначения генерала, стремящегося стать диктатором, а также в целом ряде иных значений [Гудков 1999; Отин 2003; Нахимова 2007].

Заканчивая краткий обзор существующих представлений о существовании языковой семантики имени собственного, отметим, что в основе нашей концепции лежат следующие представления:

- имя собственное, несомненно, имеет лексическое значение в речи, в дискурсе, в социолекте (за исключением немногочисленных случаев безреферентного употребления имени собственного);

- общесистемное значение антропонима включает семы, указывающие на принадлеж-

ность слова к числу имен собственных, к числу антропонимов, к числу мужских или женских имен, а также ассоциативные семы, отражающие факультативные и личностные смыслы, и культурно-исторические семы, фиксирующие связи семантики с соответствующими дискурсами;

– системное значение имени собственного может быть ограничено тем или иным социумом, но может иметь и общенациональный характер: существуют люди, которых знает вся страна, но еще больше людей известны лишь ограниченному кругу родственников, коллег и знакомых;

– значение имени собственного обладает повышенным количеством ассоциативных (по Д.Н. Шмелеву) или коннотативных признаков и широким потенциалом для смыслового варьирования и создания разного рода стилистических эффектов в речи;

– имя собственное обладает широкими возможностями для хранения культурно-значимой информации, которая может актуализироваться в рамках конкретных текстов; имена собственные играют существенную роль в хранении и передаче от поколения к поколению стереотипов и ценностных установок, регулирующих деятельность членов соответствующего языкового коллектива;

– богатство культурно-значимой информации, связанной с именами широко известных людей, создает условия для метафорического употребления и развития у этих имен вторичных значений;

– для имени собственного характерен совершенно особый тип соотношения между языковым значением и речевой семантикой, между общеупотребительным значением и значением, которое характерно для того или иного социума.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы

лексикологии: Доклады лингвистической конференции. – Томск, 1971. Ч. I.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург, 1998.

Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999.

Данилина Е.Ф. К вопросу о лексическом значении личных имен // Лексика и словообразование русского языка. – Пенза, 1972. С. 58-67.

Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во Эдиториал УРСС, 2004.

Звегинцев В.А. История языкоznания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., Просвещение, 1965.

Карпенко Ю.А. Теоретичні засади размежування власних і зачальних назв // Мовознавство. 1976. № 1.

Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. – М., 1962.

Матвеев А.К. Значение принципа мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология. 1967. – М., 1969.

Милль Дж.Ст. Система логики. Сочинение. В 2 т. [С 5-го доп. лондонского изд. переведено под ред. и с примеч. П.Л. Лаврова, Ф. Резенером] – СПб., 1865. Т. 1-2.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.

Никонов В.А. На пути к теории собственных имен // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. – Рига, 1966.

Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкоznания. 2003. № 2.

Рут М.Э. Антропонимы: Размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974.

Щетинин Л.М. Имена и названия. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1968.

© Нахимова Е.А., 2010